деревьев и растений, к инактивному — названия всех других предметов (ср. в языке навахо tó ‘вода’, yaz ‘снег’, tsé ‘камень’, tsin ‘палка’ и др.). Такая именная дихотомия имплицирует бинарную глагольную классификацию по признаку активности — инактивности передаваемого действия. Активные глаголы передают различные действия, движения, состояния, характерные для имен активного класса, тогда как инактивные глаголы передают то или иное состояние или качество, приписываемое инактивным именам.

Типичной особенностью языков рассматриваемой структуры является наличие в них особой структурной группы аффективных глаголов.

Одна из наиболее характерных черт лексики этих языков — глагольные дублеты, т. е. соотнесенный друг с другом ряд глаголов с близким значением, которые сочетаются, однако, лишь с одним из двух именных классов — с активным или инактивным.

Бинарной именной классификацией мотивировано в этих языках и наличие категории инклюзива — эксклюзива в прономинальной системе.

Характерно также отсутствие глагола ‘иметь’ для выражения посессивных отношений, которые в этих языках передаются описательными конструкциями с глаголом ‘быть’, ср. навахо n-toij xǫ́lǫ́ ‘у вас есть дрова’, буквально ‘ваши дрова есть’ = ‘вы имеете дрова’. Посессивные отношения выражаются с помощью особых форм органической (неотчуждаемой) и неорганической (отчуждаемой) принадлежности.

Именная морфология языков активного строя развита весьма слабо. Чрезвычайно бедно представлена в них, в частности, категория числа, характеризующая лишь определенные группы существительных, главным образом активного (одушевленного) класса. Множественность актант выражается здесь преимущественно в пределах глагольной словоформы, ср. в языке квильют t’cítciqa’ ‘они были мертвы’ (от t’ciqa ‘умирать’, ср. типологически сходное хет. akkiškittari), kwe-’kutsa ‘многие голодны’ (редупликация к kwe-’tsa’ ‘он голоден’ и т. п.). В ряде языков такого рода выражение множественности приводит к супплетивизму глагольных форм единственного и множественного числа.

В языках активного строя деклинационная система сводится в основном к выражению бинарного противопоставления двух основных падежей — активного и инактивного. Например, в языках галф представлено противопоставление активного падежа на -t и инактивного на -n/-Ø. Активный падеж на -t характеризует активную актанту, падеж на -n/-Ø выражает функцию инактивной актанты, выступающей в роли подлежащего при одновалентных глаголах и в функции Patiens’а — при глаголах двувалентных.

В глагольных системах американдейских языков активного строя различаются два ряда личных аффиксов, соответственно активный и инактивный, соотносимые с активной или инактивной актантами в сложной синтаксической конструкции.

Рассмотренные выше языковые структуры, имплицируемые дихотомией имен на активный и инактивный классы, придают типологическую вероятность реконструируемым индоевропейским структурам, в частности древнейшему индоевропейскому принципу классификации именных образований на классы активных и инактивных имен со всеми вытекающими из такой бинарной классификации структурными импликациями. Целый ряд структурных особенностей исторических индоевропейских языков становится понятным при сведении их к древнейшему праиндоевропейскому языковому состоянию с дихотомией имен на два структурно-семантически противопоставленных класса — класс активных и инактивных имен — и с индуцированной такой дихотомией классификацией глагольных образований на активные и инактивные глаголы. Лишь позднейшие структурные трансформации этого исходного индоевропейского языкового типа приводят к образованию той более поздней индоевропейской языковой